

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИИ: ИЗ НАСЛЕДИЯ XX В.

В.А. Гугоров

Кафедра теории и философии политики
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7, Санкт-Петербург, Россия, 199134

В статье исследуется эволюция концепций гражданского общества и политического активизма в западной политологии в их взаимосвязи с развитием теории либеральной демократии. На основе широкого спектра политологических теорий автор отслеживает основную парадигму дискуссии о судьбах демократии, конститутивную для западного общественнознания.

Ключевые слова: гражданское общество, демократия, политические институты, политическая теория.

Идея, согласно которой современная концепция гражданского общества не только тесно связана с традицией демократической теории, но само его понятие на Западе является, по существу, эквивалентом либеральной демократии, ни для кого не представляет загадки. «Для того, чтобы сегодня демократия процветала, — отмечает английский политолог Д. Хелд в известной работе „Модели демократии“, — она должна быть переосмыслена как двухсторонний феномен: с одной стороны, она стремится к преобразованию (*re-form*) государства, а с другой стороны, к реструктуризации гражданского общества... Принцип автономии может быть приведен в действие только путем признания абсолютной необходимости «двойной демократизации», а именно — взаимозависимой трансформации и государства, и гражданского общества. Предпосылкой такого процесса должно стать признание как того принципа, что разделение между государством и гражданским обществом должно быть основной чертой демократической жизни, так и понимание того, что право принимать решения должно быть свободным от каких-либо форм неравенства и притеснений, которые навязываются частным присвоением капитала. Но, разумеется, признать важность обеих этих позиций означает существенное переосмысление традиционных толкований данных понятий» [12. Р. 283].

Такого рода теоретические наблюдения были отражением вполне реального процесса, предпосылки которого наметились в Западной Европе и США со второй

половины XX в. Результатом данного процесса становится, прежде всего, основополагающий консенсус относительно всеобщих политических процедур — равенства, гражданских прав, демократических процедур принятия решений на базе признания существующих социальных и политических институтов. Был провозглашен курс на прогрессирующую стабильность и взаимопроникновение взглядов представителей различных классов на принципиальные социально-политические проблемы, на постепенное исчезновение конфликтов.

Анализируя происходящие в Британии на рубеже 1960—1970-х гг. изменения, английские политологи Д. Батлер и Д. Стоукс постулировали в качестве важнейшего момента наметившегося поворота уменьшающуюся связь социальных классов с политикой. Непосредственно перед экономическим кризисом середины 1970-х гг. они утверждали, что в рамках послевоенного процветания создан новый массовый рынок товаров и услуг и «государство всеобщего благоденствия» существенно уменьшило уровень бедности и нищеты. Различия между жизненными стандартами, уровнем потребления и социальными привычками рабочих и среднего класса также уменьшились. Вследствие этого возросшая социальная мобильность «перекрывает» классовые различия, «предрасположенность избирателей оценивать политику в классовых понятиях ослабла» и процесс «классового выравнивания» постоянно смещается в Англии в сторону «твердого центра». Легитимность государства, таким образом, уже не может ставиться под сомнение [4. Р. 193—208].

Один из классиков политической науки — Р. Даль следующим образом характеризовал основные элементы новой демократической модели.

1. Контроль над правительственными решениями в политической сфере поручается избранным ответственными лицам.

2. Эти лица выбираются и мирно отстраняются на относительно регулярных, справедливых и свободных выборах, на которых принуждение является вполне ограниченным.

3. Практически все взрослое население имеет право голосовать на этих выборах.

4. Большая часть взрослых имеет право бороться за государственные должности, на которые в процессе выборов выдвигаются кандидаты.

5. Граждане имеют действительно подтверждаемое право на свободу выражения, в особенности политического, своих взглядов, включая критику должностных лиц, поведения правительства, господствующей политической, экономической и социальной системы и идеологии.

6. Они также имеют доступ к альтернативным источникам информации, которые не монополизированы правительством или какой-либо другой общественной группой.

7. Наконец, они имеют действительно подтвержденное право создавать и вступать в независимые ассоциации, включая политические ассоциации, такие как политические партии и группы интересов, которые стремятся оказывать на правительство воздействие путем соревнования на выборах и при помощи других мирных средств [7. Р. 233].

Такая модель демократического политического процесса опиралась на новую концепцию гражданской идентичности и гражданских прав, основные принципы которой были разработаны непосредственно после Второй мировой войны в работе Т. Маршалла «Гражданство и социальный класс». В ней в частности, вводилось принципиальное различие между политическими, гражданскими и социальными аспектами в рамках новой гражданской идентичности: «Гражданский элемент состоит из прав, необходимых для индивидуальной свободы — свободы личности, свободы речи, мысли и веры, права обладать собственностью и заключать имеющие юридическую силу контракты, право на правосудие, т.е. право защищать и утверждать все свои права в условиях равенства со всеми другими и на основании законной процедуры». Политический элемент включает «право участвовать в осуществлении политической власти в качестве члена корпорации, наделенной политическим авторитетом или в качестве лица, выбирающего члена такой корпорации». Социальный элемент включает «право на минимум экономического благосостояния и безопасности, а также право иметь долю во всем общественном наследии и жить жизнью цивилизованного существа в соответствии с преобладающими в обществе стандартами» [20. Р. 71—72].

Следует еще раз подчеркнуть, что создание современной теории демократии, демократического политического процесса и адекватной концепции гражданского поведения и идентичности стало окончательно возможным только в послевоенный период в результате мощного спонтанного процесса, который в последние десятилетия специалисты отождествляют с новой демократической революцией. За исключением США, к концу XIX в. только небольшое меньшинство населения в Европе могло быть классифицировано в качестве граждан. Как справедливо отмечал М. Яновиц, «гражданство не является формальной и абстрактной концепцией. Наоборот, это — идея, обладающая конкретным специфическим значением, отражающим изменяющееся содержание политического конфликта». В этом смысле «элементы гражданства могут быть найдены во всех государствах-нациях, даже в наиболее репрессивных, тоталитарных. Существует, однако, принципиальное различие между демократическим и недемократическим гражданством» [15. Р. X.2].

Хотя демократические гражданские нормы первоначально имели западноевропейское происхождение, исторический опыт многих европейских наций свидетельствовал о том, что картина среднего гражданина является далеко не столь позитивной, какой она предстает перед исполненными оптимизма учеными второй половины XX в. Различные страны имели различные причины довольно низкого развития демократических массовых коммуникаций, прежде всего массового участия. Революционные эксцессы во Франции, породившие чувство неприятия гражданского долга (*incivisme*) и враждебности к политическим дискуссиям, аристократические институты и традиция почтительного отношения к высшему классу в британской политике, традиции авторитарного правления в Германии и т.д. замедляли процесс формирования массовой демократической политики [8. Р. 14].

Проведенные Б. Берельсоном и его сотрудниками в начале 1950-х гг. исследования политического поведения рядовых американцев давали более чем доста-

точные основания для пессимистических выводов: «Наши данные, — отмечали они, — свидетельствуют о том, что определенные требования, предъявляемые в общем для успешного функционирования демократии, не проявляются в поведении «среднего» гражданина... Многие голосуют без реального вовлечения в выборы... Гражданин невысоко информирован относительно деталей выборной кампании... В жестком или узком смысле избиратели не слишком рациональны» [2. Р. 307—310]. В 1960 г. эти данные были категорически подтверждены А. Кемпбеллом и его коллегами в исследовании «Американский избиратель», в котором было вполне обоснованно доказано отсутствие ясной идеологической ориентации и политического сознания у американского электората [5].

Все эти особенности западного менталитета способствовали формированию устойчивого образа «неискушенного гражданина» (*unsophisticated citizen*), на основе которого возникла элитистская концепция демократии. Как отмечали Т. Дай и Х. Цейглер, «выживание демократии зависит скорее от *приверженности элит* демократическим идеалам, чем от широкой поддержки демократии массами. Политическая апатия и массовое неучастие вносят свой вклад в выживание демократии. К счастью для демократии антидемократические массы гораздо более апатичны, чем элиты» [9. Р. 328].

Концепция «неискушенного гражданина», по существу, развивала аргументы, выдвинутые Й. Шумпетером в начале 1940-х гг., подвергнувшим сомнению возможность реализации «классической концепции демократии» как не соответствующей человеческой природе и иррациональному характеру повседневного человеческого поведения. В политической сфере, утверждал Шумпетер, образование не дает никаких преимуществ, поскольку чувства ответственности и рационального выбора, которые оно формирует у людей, обычно не заходят за пределы их профессиональных занятий. Наиболее общие политические решения, таким образом, оказываются недоступными как для образованных классов, так и для необразованных филистеров. «Тем самым типичный гражданин опускается на более низкий уровень умственных характеристик, как только он вступает в политическую сферу. Он спорит и анализирует при помощи аргументов, которые он охотно признал бы ребяческими внутри сферы собственных интересов. Он становится вновь примитивным». Демократическая теория может тем самым иметь практическую ценность только в том случае, если она определяет необходимый минимальный уровень участия и предоставляет право принимать основные политические решения компетентным элитам и бюрократии [24. Р. 261, 262, 284—285].

Радикальная трансформация характеристик массового общественного сознания на Западе, по существу, произошла только в последнее тридцатилетие XX в. Значительный рост образовательного уровня американского и западноевропейского электората (в 1948 г. половину американских избирателей составляли люди с начальным образованием и ниже; к 1984 г. доля избирателей, получивших образование на уровне колледжа возросла до 40%) изменил характер восприятия политики, создав предпосылки для развития процесса, который обычно описывается в научной литературе, как процесс *когнитивной мобилизации*. «Когнитивная мобилизация означает, что граждане обладают уровнем политического искусства

и ресурсами, необходимыми для того, чтобы стать самостоятельными в политике. Вместо того, чтобы зависеть от элит и референтных групп (внешняя мобилизация), граждане теперь более способны справляться со сложностями политики и принимать свои собственные политические решения» [8. Р. 14].

Такой рост гражданского сознания стимулировал в середине 1980-х гг. разработку концепции *делиберативной демократии* [21]. По замечанию Д. Янкеловича, «именно демократия оживляет понятие размышляющего и активного гражданства. Теперь гражданство трактуется как пассивная форма поведения потребителя. Люди не возвышаются до гражданского уровня не потому, что они апатичны, но потому, что они думают, что их действия или взгляды не имеют в действительности значения. Мы нуждаемся в расширении понятия гражданского выбора, в настоящее время сведенного до избирательного уровня, путем включения в него всех форм выбора по важнейшим жизненным вопросам, с которыми мы сталкиваемся каждый день» [25. Р. 240].

Все приведенные выше оценки и концептуальные схемы демократии, акцентирующие внимание на идее гражданского консенсуса, так или иначе вписывались в теорию «конца идеологии», предпосылки которой также возникли после второй мировой войны.

Под «концом идеологии» С.М. Липсет, один из наиболее видных американских политологов консервативного направления, подразумевает упадок поддержки со стороны интеллектуалов, профсоюзов и левых партий того, что он называл «размахивание красным флагом». Речь шла, таким образом, о снижении интенсивности в разработке политическими силами левого спектра различного рода социалистических проектов в связи с падением престижа марксизма-ленинизма в качестве притягательной идеологии [18]. Уже в начале этого процесса, отмечал он, «идеологические вопросы, разделявшие левых и правых, оказались в той или иной степени сведенными к государственной собственности и экономическому планированию». В этом плане вопрос «какая партия контролирует местную политику отдельных наций в действительности имеет мало значения». Это означало, в представлении сторонников данного направления, что фундаментальные политические проблемы, связанные с классовыми конфликтами, порожденными промышленными революциями на Западе, были в основном решены: «Рабочие добились прав политического гражданства, консерваторы приняли [концепцию] государства всеобщего благосостояния; демократическая левая признала, что в целом усиление государственной мощи представляет собой гораздо большую угрозу свободе, чем борьба за решение экономических проблем» [18. Р. 442—443].

Следует отметить, что эта теория с момента ее возникновения сразу нашла довольно влиятельных противников прежде всего в среде теоретиков левого радикализма. Оспаривая широко распространенные в 1950—1960-е гг. представления о том, что социальные и классовые конфликты уступают место новому политическому дискурсу, а уравнивание стандартов жизни рабочего класса и «среднего сословия» ослабляет предрасположенность избирателей участвовать в политическом процессе в рамках классовых конфликтов [4. Р. 193—208], Г. Маркузе, один

из ведущих леворадикальных идеологов, предложил другую интерпретацию эволюции западной социально-политической системы в своей теории «одномерного общества» [19].

Как справедливо подчеркивал Д. Хелд, исходная позиция теоретиков «конца классово-политики» и «одномерного общества» определялась общим стремлением «объяснить возникновение политической гармонии в системе западного капитализма в послевоенные годы» [12. Р. 226]. Маркузе указывал на многообразие тех сил, комбинация которых способствовала управляемости современной экономики и установлению над ней контроля. Само развитие средств производства, растущая концентрация капитала, радикальные изменения в науке и технологиях, тенденция к автоматизации и механизации, прогрессирующая трансформация менеджмента в постоянно действующие частнобюрократические структуры стимулировали тенденцию к регулированию свободного предпринимательства путем постоянного государственного вмешательства и расширения государственной бюрократии. Этому способствовали разделение мира на два противоборствующих лагеря, обстановка напряженности, вызванная «холодной войной» и борьбой с мировым коммунизмом.

Ведущей тенденцией в условиях глобального роста организационных структур, грозящих поглотить общество, является, согласно Маркузе, «деполитизация» — искоренение политических и моральных вопросов из общественной жизни в результате одержимости техникой, производительностью и эффективностью. Односторонняя погоня за прибылью в крупном и мелком бизнесе (при поддержке государством этой узкоэгоистической ориентации) создает весьма ограниченное политическое пространство: публичная сфера оказывается ориентированной на поиск заранее заданной цели — как можно больше продукции. Возникающий вследствие деполитизации «инструментальный рассудок» закрепляется воздействием СМИ на культурные традиции низших социальных слоев, региональных и национальных меньшинств, загоняемых путем информационной обработки в прокрустово ложе «упакованной культуры». При этом подразумевается, что сами СМИ также становятся орудием рекламной индустрии, нацеленной на безудержное увеличение потребления.

Конечным результатом является возникновение «ложного сознания», т.е. определенного социально-психологического состояния, когда люди перестают понимать, что составляет их действительные интересы. Мир массовой государственной и частнобюрократической бюрократии в погоне за созданием условий для прибыльного производства коррумпирует и извращает человеческую жизнь. Социальный порядок, интегрированный в рамках тесной связи между промышленностью и государством, является репрессивным и в высшей степени «недостойным». И все же большинство людей мирится с ним.

В работе «Одномерный человек» Г. Маркузе постоянно настаивает на том, что культ потребительства в современном капиталистическом обществе создает соответствующий образ поведения, являющийся по преимуществу пассивным и конформистским. Люди лишаются выбора относительно того, какой тип производ-

ства является наиболее предпочтительным, в каком типе демократии они желают принимать участие и, наконец, какой образ жизни они желают для себя создать. Если они стремятся к комфорту и безопасности, они должны приспосабливаться к стандартам существующей экономической и политической системы. В противном случае они становятся маргиналами. Идея «власти народа» оказывается, следовательно, мифом.

Итак, независимо от характера аргументации и различий в подходе к проблеме легитимности политического порядка (подлинной в глазах теоретиков «конца идеологии» и искусственной — в представлении идеологов «одномерного общества»), оба направления выделяют: а) высокую степень согласия и интеграции между всеми группами и классами общества; б) усиление стабильности политической и социальной системы.

Подобная согласованность взглядов сторонников диаметрально противоположных концепций сразу вызвала подозрения у многих западных политологов, указывавших на то, что ни система «гомогенных ценностей», ни концепция «идеологического господства» в силу своей односторонности не могут объяснить механизм легитимизации власти, возникший после 1945 г. [12. Р. 228].

Сложные кризисные процессы в экономике, политике и культуре в 1960—1970-е гг., постоянно ставившие под вопрос концепции процветания и общества всеобщего благосостояния, растущее разочарование в традиционных партийных системах, повсеместно распространившийся скептицизм в отношении предвыборных обещаний и лозунгов, выдвигаемых политиками, — все эти элементы кризиса свидетельствовали о серьезных трудностях, с которыми постоянно, вплоть до настоящего времени, сталкиваются государство и политическая система на Западе [6; 13].

Рост социальных и политических конфликтов свидетельствовал о том, что государство, превратившись в гигантский управленческий комплекс, является далеко не столь монолитным и способным навязывать «одномерность», как это представлялось Г. Маркузе и его сторонникам. Майско-июньские события 1968 г. во Франции показали, до какого уровня может возрасти социальная напряженность и состояние конфликтности в обществе. Все эти моменты плохо укладывались в концепцию либерального общества, политические процессы в котором протекают относительно спокойно и бесконфликтно.

Предлагаемые в научной литературе объяснения фактически вращаются вокруг двух, представляющихся полярными, точек зрения — идет ли речь о частичном кризисе (или фазе ограниченной нестабильности) или же налицо кризисные тенденции, ведущие к коренной трансформации всего общества, его политического и социального порядка.

С 1970—1980-х гг. вплоть до наших дней спор по данному вопросу, по существу, продолжается между либеральными политическими теоретиками, развивающими различные варианты концепции плюралистической политики и авторами, объединившимися вокруг различных версий модифицированного марксизма. Первая группа разрабатывала теорию «перегрузки правительства» [3; 14. Р. 163—192;

17; 22. Р. 169—190; 23]. Теорию «кризиса легитимности» развивали, в числе многих других, Ю. Хабермас и К. Оффе [11]. Резюмирующий критический взгляд на обе теории, представленный, например, в работах Д. Хелда [12. Р. 230—236], позволяет наглядно представить основные концепции демократического политического процесса.

Сторонники концепции «перегрузки правительства», исходя из принципов плюралистической демократии, часто характеризуют отношения власти в понятиях «фрагментарности»: власть разделяется и оспаривается многочисленными группами, представляющими разнообразные и соперничающие интересы. Реализация властных интересов рассматривается как следствие многообразных процессов, в рамках которых государство выступает в роли посредника.

Усложнение политического процесса в послевоенную эпоху во многом определялось созданием новых рыночных структур, экономическим процветанием, влиянием массовых организаций. Отнюдь не последнюю роль в структурных изменениях сыграло формирование новых систем массовых коммуникаций, в которых телевидение заняло определяющее место. Увеличение доходов населения и, как уже отмечалось выше, создание системы массового политического образования — от начальной школы до университетов — породили своеобразный эффект «повышенных ожиданий». Выявившаяся к середине 1970-х гг. неспособность государства удовлетворить возросшие потребности на уровне правительственных программ в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура и т.д.) вызвала к жизни целый ряд кризисных явлений, среди которых важнейшее место следует отвести мировоззренческому кризису (кризису идеологий), серьезно подорвавшему веру в способность государства справляться с постоянно возникающими проблемами. Возрастание амбициозных интересов политических партий и корпораций — профсоюзов, финансовых групп, организаций промышленников и потребителей — заставляет политиков в погоне за избирателями давать заведомо невыполнимые обещания.

Этот процесс, в свою очередь, «подстегивается» все возрастающей конкуренцией политических партий. Разработка новых «стратегий умиротворения» создает новые трудности для бюрократических органов управления. Необходимость усиления налогообложения для реализации социальных программ ведет к сокращению личной инициативы в сфере свободного предпринимательства.

Так возникает ситуация «порочного круга», когда «твердое политическое руководство» оказывается в состоянии конфликта с демократическими процедурами. Иными словами, теоретики «управленческой перегрузки» утверждают, что развитие демократических институтов всегда *дисфункционально* с точки зрения эффективного регулирования экономической и социальной сфер. На этом положении особенно настаивают теоретики «новых правых» [14. Р. 163—192].

В противоположность этой точке зрения сторонники теории «кризиса легитимности» настаивают на том, что только анализ классовых отношений позволяет наиболее адекватно понять, как особенности политического процесса в промышленно развитых странах, так и причины кризисных явлений в современной политике.

Ориентированные на марксистскую парадигму аналитики утверждают, что соперничество политических партий в борьбе за власть серьезно ограничивается зависимостью государства от экономических ресурсов, создаваемых в сфере частного предпринимательства. Процесс принятия политических решений, совместимых с интересами крупного капитала, не может быть эффективно организован вне того «нейтрального статуса», на который государство претендует в качестве верховного арбитра в социальных конфликтах, порожденных классовым интересом. Экономические кризисы, порождающие, в свою очередь, необходимость государственного вмешательства, выявляют также неизбежность такого типа политического управления, который примиряет антагонистические интересы социальных групп и классов в процессе формирования широкомасштабных социальных программ.

Таким образом, обеспечение политической стабильности непосредственно зависит от расширения государственных управленческих структур, регулирующих противоречия в рамках определенного типа бюджетной политики. Но именно это делает почти неизбежным рост инфляции, кризис государственных финансов и, по определению Ю. Хабермаса, возникновение «кризиса рациональности» или «кризиса рационального администрирования». В том случае, если государственный аппарат контролируется правыми партиями, неизбежно столкновение с профсоюзами и другими группами давления по вопросам финансирования социальных программ. Если контроль осуществляют левые партии, политика социализации промышленности подрывает доверие крупного бизнеса к государству. Усиление государственного планирования и контроля, перевешивающих «невидимую руку» рынка, увеличивают политизацию общественной жизни, стимулируя все возрастающие требования к государству. Невыполнение этих требований и порождает кризис легитимности.

В такой ситуации концепция «сильного государства», преодолевающего кризис авторитарными методами, вновь порождает тот же самый порочный круг, который был обрисован теоретиками «управленческой перегрузки».

При всех различиях аргументации сторонников двух, охарактеризованных выше, концепций, у них имеется один, весьма существенный, элемент, демонстрирующий их определенное сходство: обе подчеркивают принципиальную возможность эффективной политики государства, способной преодолеть спонтанно возникающие кризисные явления, направляя соответствующие ресурсы для достижения конкретных целей. Оба направления сходятся в том, что власть в демократическом государстве зависит от признания ее авторитета (теоретики «перегрузки») или ее легитимности (сторонники «кризиса легитимности») [12. Р. 236—237]. Обоим направлениям присущ «фундаментальный пессимизм», поскольку приоритет отдается теории прогрессирующего упадка авторитета или легитимности, вызванного несоответствием массовых ожиданий и тех реальных возможностей, которые находятся в распоряжении бюрократического аппарата.

Разумеется, подобный пессимизм разделяется отнюдь не всеми специалистами [16. Р. 124—176]. Данные социологических опросов, регулярно проводимых в Западной Европе и США, свидетельствуют о том, что повсеместно распростра-

ненный скептицизм по отношению к традиционным формам политики еще не предполагает поворота основной массы населения в сторону радикально новых политических институтов и форм политического участия. Не менее определенным является стремление к сохранению статус-кво и, следовательно, к тому соотношению структур государства и гражданского общества, которые отвечают современным представлениям о либеральной демократии и основных направлениях ее эволюции.

В данном небольшом очерке, основная цель которого, по существу, является вполне прагматической и связана с фиксацией основной парадигмы дискуссии о судьбах демократии, постоянно ведущейся на Западе, не представляется возможным проследить, в каком отношении эта дискуссия воздействует сейчас на политический дискурс посткоммунистической России, тем более что такая попытка уже частично предпринималась нами в недавнем прошлом [10. С. 149—162]. Однако нет сомнений в том, что при всей той очевидной пользе, которую могли бы извлечь из усвоения западной парадигмы участники будущих дискуссий о перспективах формирования гражданского общества в России, эта дискуссия, скорее всего, окажется совершенно бесполезной вследствие того, что спокойный академический тон в наименьшей степени соответствует реалиям нашего отечества. Психологический фон, на котором разворачивается дискуссия, очень часто напоминает характеристику, данную А. де Токвилем своим соотечественникам в 30-е гг. XIX в.: «Общество сохраняет спокойствие, но не потому, что оно осознает свою силу и свое благополучие, а, напротив, потому, что оно считает себя слабым и немощным; оно боится, что любое усилие может стоить ему жизни: всякий человек ощущает неблагополучие общественного состояния, но никто не обладает необходимыми мужеством и энергией, чтобы добиваться его улучшения. Желания, сожаления, огорчения и радости людей не создают ничего ощутимого и прочного, подобно тому как страсти стариков приводят их лишь к бессилию. Таким образом, отказавшись от всего того блага, которое могло содержаться в старом общественном устройстве, и не приобретя ничего полезного из того, что можно было бы получить в нашем нынешнем положении, мы, любясь собой, остановились посреди руин старого режима и, видимо, желаем остаться здесь навсегда» [1. С. 3].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Токвиль А. де* Демократия в Америке. М., 1992.
- [2] *Berelson B., Lazarsfeld P., Mc Phee W.* Voting. Chicago, 1954.
- [3] *Brittan S.* Can Democracy Manage an Economy? // *The End of Keynesian Era*. Ed. by R. Skidelsk. Oxford, 1977.
- [4] *Bulter D., Stocks D.* Political Change in Britain. London, 1974.
- [5] *Campbell A.* et al. *The American Voter*. New York, 1960.
- [6] *Cohen J., Rogers J.* On Democracy. New York, 1983.
- [7] *Dahl R.A.* Democracy and Its Critics. New Haven and London, 1989.
- [8] *Dalton R.J.* Citizen Politics in Western Democracies. Chatham, New Jersey, 1988.
- [9] *Dye T., Zeigler H.* The Irony of Democracy. Belmont, Calif., 1970.
- [10] *Gutorov V.* Civil Society in Europe and Russia. Contemporary Interpretation and Prospects // Transition — Erosion — Reaktion. Zehn Jahre Transformation in Osteuropa. Hrsg. von Dittmar Schorkowitz. Frankfurt am Mein, Peter Lang, 2002.

- [11] *Habermas J.* Legitimation Crisis. London, 1976.
- [12] *Held D.* Models of Democracy. Stanford, Calif., 1987.
- [13] *Held D.* Power and Legitimacy in Contemporary Britain // State and Society in Contemporary Britain. Ed. by G. McLennan, D. Held and S. Hall. Cambridge, 1984.
- [14] *Huntington S.P.* Post-Industrial Politics: How Benign Will it Be? // Comparative Politics. 1975. 6.
- [15] *Janowitz M.* The Reconstruction of Patriotism. Education for Civic Consciousness. Chicago; London., 1985.
- [16] *Kavanagh D.* 1980: Political Culture in Great Britain. The Civic Culture Revisited. Ed by G. Almond and S. Verba. Boston, 1980.
- [17] *King A.* Why is Britain Becoming Harder to Govern? London, 1976.
- [18] *Lipset S.M.* Political Man. New York, 1963.
- [19] *Marcuse H.* One Dimensional Man. Boston, 1964.
- [20] *Marshall T.H.* Class, Citizenship and Social Development. Westport, C.T., 1973.
- [21] *Matthews D.* The Promise of Democracy: A Source Book for Use with National Issues Forums. Daiton, Ohio, 1988.
- [22] *Nordhaus W.D.* The Political Business Cycle // Review of Economic Studies. 1975. 42.
- [23] *Rose R., Peters G.* The Political Consequences of Economic Overload // University of Strathelyde Centre for the Study of Public Policy, 1977.
- [24] *Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism and Democracy. New York, 1976.
- [25] *Yankelovich D.* Coming to Public Judgment. Making Democracy Work in a Complex World. Syrakuse, New York, 1991.

CIVIL SOCIETY AND THE THEORY OF DEMOCRACY: A VIEW FROM INTELLECTUAL HERITAGE OF THE XX-TH CENTURY

V.A. Gutorov

The Department of Theory and Philosophy of Politics
Saint Petersburg State University
University Naberejnaya, 7, Saint Petersburg, Russia, 199134

In the given article, the author analyses the evolution of the concepts of civil society and political activism in western political science in their interrelationship with development of liberal democracy theory. Basing on wide array of political theories the author follows the main paradigm of the discussions on democracy that is constitutive for western political science.

Key words: civil society, democracy, political institutions, political theory.